

Единственно правильным будет предположить, что Аполлония находилась именно в Крыму, на месте Керчи, т. е. в Пантикапее, иными словами, что Пантикапей назывался первоначально Аполлонией. В этом нет ничего удивительного, поскольку название Аполлонии вообще часто встречалось в античном мире. Основание же милетянами Аполлонии вполне понятно, так как культ Аполлона был особенно развит в Милете и был занесен и в Пантикапей. О значении культа Аполлона в Пантикапее говорит хотя бы тот факт, что боспорские цари были жрецами Аполлона.

Д. Б. Шелов выдвигает два основных возражения против признания Аполлонии ранним названием Пантикапея: 1) Аполлония в Крыму нигде не упоминается — ни у античных авторов, ни в надписях; 2) монеты с названием АПОА не входят в нумизматическую серию монет Пантикапея.

Против первого довода нужно сказать, что для VI и V вв. до н. э. не только Аполлония, но и Пантикапей нигде не упоминается — ни у античных авторов, ни в надписях. Название Пантикапей как у античных авторов, так и в надписях встречается только начиная с IV в. до н. э. Поэтому нет ничего удивительного, что нет нигде упоминаний о переименовании Аполлонии в Пантикапей. Гораздо более удивительно другое, что Аполлония не упоминается и в IV в. до н. э., что об Аполлонии в Крыму, кроме надписи АПОА на вышеупомянутых монетах, вообще нигде нет известий. Где же она находилась? Ведь о ней ничто не говорит — ни археологические памятники, ни надписи, ни античные авторы. Но Д. Б. Шелова вообще не интересует этот конкретный вопрос, он его даже не ставит. А между тем, если приписывать монету какому-то городу Аполлонии, то этот город где-то должен существовать, ведь это же не абстракция. А. В. Орешников совершенно конкретно ставил этот вопрос. Он считал, что название Аполлонии носил Мирмекий. Но вышеприведенные доводы с ясностью говорят, что этого не могло быть.

Что касается второго довода Д. Б. Шелова о том, что монеты с надписью АПОА не входят в общую схему ранних монет, то вышеприведенная схема А. Л. Бертье-Делагарда, А. Н. Зографа и, наконец, Д. Б. Шелова хотя и показывает основное направление монетной чеканки, но все же неполна, не является исчерпывающей, и целый ряд монет в нее не входит. Если же понимать эту схему шире, то и монеты с надписью АПОА находят в ней место.

В заключение должна сказать, что как самый тип монет с надписью АПОА — явно пантикапейский, так и нахождение этих монет в Керчи и ее окрестностях ясно говорит о принадлежности их раннему Пантикапею.

Ю. С. Крушкова

СЕВЕРОЧЕРНОМОРСКИЕ ЗАМЕТКИ

(По следам новых публикаций и исследований)

I. К надписи Агафа из Фанагории

Опубликованная в № 4 ВДИ за 1948 г. Т. В. Блаватской надпись из Фанагории в честь Агафа, сына Саклея, представляет собой весьма интересную эпиграфическую новинку. Несомненно, она еще не раз привлечет к себе внимание историков Боспора, хотя бы потому, что *cursus honorum* Агафа, сына Саклея, содержит в себе две неизвестные доселе на Боспоре должности: ἀφηγησάμενος τοῦ γραμματεῖου и κοσμητήτης. Функции их выясняются в пространном комментарии, сопровождающем публикацию и весьма способствующем определению значения новонайденной надписи, однако толкование текста вызывает все же в одном случае сомнение. Автор публикации переводит διὰ τῆς ὑπερβαλοῦσαν εὐνοίαν πρὸς τοὺς κυρίους βασιλεῖς как «благодаря выдающейся преданности владыкам-царям» (стр. 7—8 надписи) и понимает под этими владыками-царями

царей Боспора — Тиберия Юлия Евпатора и Савромата II, присоединя к ним предположительно еще и Ремиталка I.

Между тем, выражение *οἱ κύριοι βασιλεῖς* в Причерноморье, так же как и в восточных провинциях Римской империи, употреблялось в это время для обозначения римских императоров. Мы не знаем случая, когда бы боспорский царь именовался *κύριος βασιλεύς*. Сам автор публикации указывает на то, что на Боспоре эпитет *κύριος* засвидетельствован однажды применительно к императору Веспасиану (IOSPE, II, 355), которого Рескупорид I величает *κύριος τοῦ σύμπαντος Βοσπόρου*.

Аналогичную терминологию мы встречаем в Херсонесской надписи IOSPE, I², 404, где императоры неоднократно титулуются именно *οἱ βασιλεῖς* (II, стк. 15, 24, 27), а глаголом *χωρέω* выражаются их действия. Названная херсонесская надпись относится ко времени императора Коммода и, следовательно, хронологически близка новооткрытой фалагорийской надписи.

Цитированное выше место надписи в честь Агафа, сына Саклея, правильнее будет перевести поэтому «благодаря особенной преданности владыкам-императорам». Эта поправка имеет довольно существенное значение, так как вводит эту надпись в круг документов, свидетельствующих о отношениях Боспора с Римом во второй половине II в. н. э. Наиболее существенным из таких свидетельств, относящихся к царствованию предшественника Савромата II — Тиберия Юлия Евпатора, является упоминание Луккиана о посольстве, направлявшемся из Боспора в Вифинию к местному проконсулу для передачи ему очередной дани боспорского царя. О таких сношениях упоминает в своих письмах к императору Траяну Плиний Младший, бывший в 111—112 гг. н. э. проконсулом Вифинии (P l i n., ad Traian, XLII; LXIV; LXVII). Сообщая о посланцах боспорского царя Савромата I к Траяну, он имеет в виду посланцев двух категорий — курьеров (*tabellarius*) и послов в собственном смысле слова (*legatus*). Весьма вероятно, что именно такого рода посланцем (курьером), а не послом из Боспора в Рим был и Агаф, сын Саклея; если бы он был официальным послом (*легатом*, *πρεσβευτής*) боспорского царя, это обстоятельство, несомненно, было бы специально отмечено при перечислении его должностей. Упомянутое же в надписи *ἀφῆγγασμένος τοῦ γραμματεῖου* вполне может быть сопоставлено с титулом и должностью, выражаемыми латинским словом *tabellarius*.

Так как *οἱ κύριοι βασιλεῖς* фигурирует в надписи во множественном числе, то, вероятно, посольство Агафа, сына Саклея, относится еще ко времени совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера и имело место, следовательно, до 169 г. н. э.

Хотя лица, упомянутые в надписи, Агаф, сын Саклея, и его сын Агаф, сын Агафа, не могут быть прямо отождествлены или сопоставлены с какими-либо лицами, известными уже ранее из эпиграфики Боспора, все же следует сказать, что подавляющее большинство упоминаний этого имени с различными отчествами, в том числе и несколько раз Агафа, сына Агафа (*Ἀγαθοῦ β'*) в горгиппийских каталогах римского времени (IOSPE, II, 403; IV, 434, 436) делает весьма вероятным происхождение обоих царей Агафов из Горгиппии (равно как и Агафа, упомянутого в надписи IOSPE, IV, 421 из Фалагории). При этом, будучи точно датирована, новая надпись имеет вследствие этого известное датирующее значение и для упомянутых каталогов.

II. К восстанию Аникета

Восстание Аникета, произошедшее на Кавказе в 69 г. н. э., должно быть рассмотрено в общей связи с теми событиями, которые характеризуют сопротивление причерноморских племен Риму, начиная от Митридатых войн и до борьбы Восточной Римской империи с племенами Кавказа в IV—VI вв. н. э., ставшей предметом повествования Агафия, Прокопия и других ранневизантийских историков.

Ввиду чрезвычайной скудости данных, восстание Аникета лишь однажды стало предметом специального исследования¹. А. И. Болтуновой был мобилизован значитель-

¹ А. И. Болтунова, Восстание Аникета, ВДИ, 1939, № 2, стр. 57.

ный материал, представляющий движение Аникета на широком историко-этнографическом фоне и в кругу современных ему социальных движений против Рима, в пределах и у границ Римской империи. Разумеется, для выяснения различных сторон движения Аникета кое-что еще, быть может, удастся сделать и в будущем, несмотря на скудость источников. В частности, вопрос о племенах, принимавших участие в восстании, кажется мне, может быть поставлен несколько более определенно, чем это сделала А. И. Болтунова.

Движение Аникета привело к захвату одного из крупных военно-административных центров римской экспансии на Востоке—Трапезунта, города, служившего средоточием римских сухопутных и морских военных сил, охранявших Кавказское побережье и защищавших черноморскую торговлю от пиратства; взятие Трапезунта было осуществлено силами местных племен, при поддержке низших слоев городского населения в Трапезунте и в других менее крупных торговых и промышленных центрах побережья Кавказа — так по крайней мере следует, очевидно, понимать Тацита, являющегося единственным источником для истории восстания (*Н i s t.*, III, 47 сл.) и характеризующего его как движение общественных низов (*corrupto in spem rapinarum egentissimo quoque haud temnende manus*) и как войну рабов (...*helleoque servili...*), действовавших вместе с прибрежными племенами. Что это были за племена, Тацит не говорит, называя лишь одно из них, а именно то, среди которого укрылся после поражения и бегства Аникет — племя неизвестных из других источников седоходов, на реке Хобе.

Прежде всего должен быть решен вопрос относительно загадочного племени седоходов. Текст Тацита дает для этого важные опорные точки: он указывает, что седоходы, царь которых предоставил убежище Аникету, жили по реке Хобу—наименование, прилагавшееся, по крайней мере в римское время и латинскими авторами к реке Ингуру¹, а не к реке Хопц, как это делает, вслед за многими другими новейшими исследователями, А. И. Болтунова. В этой местности, к югу от Диоскуриады, где в Черное море впадает р. Ингур, жили уже в середине I в. н. э., как это известно через *П о м п о н и я М е л у* (I, 111) и через *П л и н и я* (NH, VI, 16), племена гениохов, тогда как *С т р а б о н* (XI, 2, 14), писавший в начале I в. н. э., указывает их южную границу еще у Питиунта.

Косвенным подтверждением того, что в восстании Аникета принимали участие именно гениохи, является свидетельство Тацита, сообщающего, что повстанцы явились к Трапезунту на разбойничьих судах-камарах, устройство которых он затем подробно описывает. Опять таки из *С т р а б о н а* (XI, 2, 12) известно, что именно гениохи вместе с ахеями занимались разбоем и, плавая на своих камарах, при поддержке царей Боспора господствовали на Черном море.

Если Страбон отводит для гениохов довольно значительную часть Кавказского побережья, то *П л и н и й* указывает еще и на множественность гениохийских племен (*multis nominibus Heniochorum gentes*, NH, VI, 14). Некоторые из них Плиний называет сам (абсилы, саниги), другие же становятся известны из более позднего и подробного источника — перипла Арриана. Перипл Арриана называет гениохов необычным образом рядом с макронами². Затем, далее к северу по Черноморскому побережью он называет зидритов, лазов, апсилов, абасгов и санигов, в земле которых находится Себастополь (Диоскуриада). Далее к северу Арриан упоминает еще племя зилхов, чье имя должно быть сопоставлено со страбовыми зигами, называемыми им в числе «разбойничьих племен» вместе с ахеями и гениохами. Важным для нас обстоятельством является и то, что Арриан к северу от Диоскуриады помещает р. Абаск, связанную

¹ См. *П л и н.*, NH, VI, 12: *flumen Chobum per Soanos fluens*; более подробно о мотивах этого отождествления см. ВДИ, 1938, № 3, стр. 315.

² Племя, известное у юго-восточного угла Черного моря в районе Трапезунта уже Гекатею Милетскому и подробно описанное *К с е н о ф о н т о м* (Anab., IV, 8, 1 сл.); более поздние писатели отождествляют макронов с саннами (А г р., PPE., 15), имя которых вряд ли может быть оторвано от названных выше саннигов (санигов или санихов) и другим чтепиям).

своим наименованием с названными ранее абасгами, и Старую Лазику, откуда, видимо, происходят названные между зидритами и апсилами и локализуемые в южной части восточного берега Черного моря лазы — племя, имя которого позднее, в IV—V вв. н. э., распространилось на всю Колхиду, именуемую у ранневизантийских авторов Лазикой.

Все названные Аррианом между Трапезунтом и Диоскуриадой племена, или отсутствуют в обычной у древних авторов (вплоть до Страбона) диафесе племен или фигурируют в ней применительно к северному участку восточного берега Черного моря. Таким образом, картина расселения вышедших из ахейско-гениохийских пределов племен, какую мы находим у Арриана, свидетельствует о значительных передвижениях, происшедших в период от Страбона и до Арриана, т. е. круглым счетом за сто лет, и, с другой стороны, об известном стремлении северокавказских племен к югу, точнее к юго-восточному углу Черного моря.

Наиболее раннее свидетельство, характеризующее эту тенденцию, мы находим именно у Страбона, помещающего в указанном месте (по соседству с саннами и халдами) племя аппаитов. «ранее называвшихся керкетами». Керкеты же и у Страбона и у более древних авторов локализируются между спидами (меотами) и ахеями, т. е. в северо-восточном углу Черного моря. Необходимо, очевидно, предположить, что по времени, недалекое от Страбона, часть племени керкетов, под именем аппаитов, переселилась из области Северного Кавказа на пространство между Колхидой и Малой Арменией. Керкеты также принадлежали к числу ахейско-гениохийских племен, и, может быть, поэтому границы племени гениохов могут быть продвинуты в глубь Кавказа, вплоть до Армении, где их помещает Тацит¹.

Как бы то ни было, появление новых племенных наименований, вышедших из общей массы гениохийских племен, и продвижение этих племен на юг произошло в эпоху между Страбоном и Аррианом. Ближайшим свидетелем этих событий является для нас Плиний, писавший в 60—70-х годах I в. н. э., у которого диафеса восточночерноморских племен представляет собой смесь традиционных данных, восходящих к древнеионийским периплам, с данными, полученными им видимо из военных дорожников Корбулона (ср. NH, VI, 11 сл.). У него, наряду с древнейшими моссиниками (Massini, NH, VI, 11), макрокефалами и бехирами (ср. P s.-S c u l., 79 сл.) в южной части Кавказского побережья фигурируют махороны, санги, гениохи, ампревты, лазы, фтейрофаги, отождествляемые у более древних авторов с гелопамп, у П л и н и я же названные салтиями (NH, VI, 14); крепость Себастополь помещена между областями абсиллов и саниггов, за которыми к северу снова показаны гениохи. Таким образом, из диафесы Плиния передвижение гениохийских племен к югу вырисовывается весьма наглядно.

Об особенно интенсивном проникновении гениохийских племен в Колхиду и в области к югу от нее в 50-х и 60-х годах I в. н. э. свидетельствуют факты, сообщаемые Помпием Мелой и Плинием. Помпий Мела, как указано выше, помещает Диоскуриаду², до того являвшуюся центром Колхиды, в области гениохов; П л и н и я же сообщает о том, что город, недавно столь славный, находится в запустении (NH, VI, 15) и прибавляет к этому несколькими строками ниже, что и богатый город Питиунт разграблен гениохами (NH, VI, 16); об этих событиях еще ровно ничего не знает Помпий Мела, писавший в 40-годах I в. н. э.

¹ App., XIII, 37, козъектура; в рукописях *Insonchi*, ср. App., II, 68. Впрочем, имя гениохов упоминается в связи с этими местами не впервые. Возможно, что оно звучит и в древнеурартском «игапи», см. П. У ш а к о в, ВДИ, 1946, № 2, стр. 37. Оно же звучит, быть может, и в позднейшем лезгинском — гайнухи.

² Наиболее крупные населенные пункты Колхиды — Диоскуриада и Питиунт — стали предметом римских интересов еще, вероятно, во время войны Помпея с Митридатом, когда первый достиг Фасиса. При Августе близ Диоскуриады было построено укрепление Себастополь, помещаемое Агриппой (у П л и н и я, NH, VI, 14) на расстоянии ста миль от Фасиса. Колхиды, а следовательно, и названные пункты, входила в эпоху С т р а б о н а (XI, 2, 18) и в последующие годы в царство Помпеонов, лишь при Нероне (около 62 г. н. э., S u e t., Nero, 18) обращенное в римскую провинцию.

Эти известия не могут не быть поставлены в связь с событиями, приведенными к восстанию Аникета. Гениохийские племена, среди которых укрывался от Помпея Митридат, были враждебны Риму еще в I в. до н. э. Их экспансия в южном направлении и их разбойничья морская торговля не могла не вызвать отпора и репрессий со стороны римской провинциальной администрации, чем и следует объяснить постройку укреплений и помещение римских гарнизонов в Абсаре, Фасисе и Диоскуриаде (Себастополь). Хотя Колхида и Черноморское побережье к северу от нее и не были включены при Нероне в образованную из Полемонова царства Понтийскую провинцию, не подлежит сомнению, что племена, населявшие Кавказское побережье, находились в какой-то степени зависимости от Рима. Об этом свидетельствует Иосиф Флавий, упоминающий (VI, II, 16, 4) о племенах колхов, гениохов и других причерноморцах, которые удерживаются Римом в повиновении с помощью трех тысяч гоплитов и сорока военных судов. Иосиф Флавий имеет, очевидно, в виду те помещавшиеся в Трапезунте вспомогательные войска и тот флот, о которых упоминает в связи с историей восстания Аникета и Тацит. Воспользовавшиеся ослаблением римских военных (морских и сухопутных) сил на Кавказе, на что специально указывает в цитированном месте Тацит, гениохы захватили и разграбили Питиунт, Диоскуриаду и Трапезунт. Следует думать, что ими не были пощажены и такие торгово-административные пункты побережья, как Фасис, Абсар, Архабий и др.

Если сообщение Тацита о захвате гениохами во главе с Аникетом Трапезунта не может быть поставлено в прямую хронологическую связь с сообщениями Плиния о разграблении гениохами Питиунта и Диоскуриады, то все же и то и другое события являются, несомненно, эпизодами одного и того же описанного выше процесса расселения гениохийских племен по южной части Кавказского побережья Черного моря. И скорей всего именно племя гениохов-санигов (санихов), фигурирующее у Плиния и Арриана к югу от Диоскуриады, должно быть сопоставлено с седохедами Тацита, ибо как раз саниги, в земле которых находится Себастополь, должны были жить и по берегам близлежащего (в 120 ст. = 24 км) Хоба-Ингура. В устье этой большой реки, где Арриан во время своего плавания стал на якорь, действительно мог укрыться флот Аникета, вероятно, состоявший из большого количества камар. Выдача Аникета, несомненно, явилась плодом ловкой римской дипломатии, а гениохы по этой причине получили от Тацита наименование племени, более других дружественного Риму (NH, XIII, 37). Таким образом, восстание Аникета должно быть осмыслено как один из эпизодов борьбы причерноморских племен с Римом за свою независимость в эпоху бурного процесса разделения и расселения гениохских племен на пространствах Западного Кавказа.

О том, что восстание Аникета было тесно связано с движением горцев против их оккупации Римом, свидетельствует, кроме того, несомненно, и самое имя вождя этого восстания. Аникет (*ἀνίκητος*, *invictus*) — распространенный эпитет солярных божеств плодородия, отождествлявшихся повсеместно с божествами-героями и родоначальниками. Зафиксирован он, в частности, и для Геракла (*Apollod.*, *Bibl.*, II, 7, 7), с которым должен быть сопоставлен бог-герой Савмак, засвидетельствованный эпиграфически (IOSPE, II, 346), чье имя, связанное с распространенным в Малой Азии эпитетом Геракла *Σάμωξ*, *Σάμωξ*, не может быть в то же время оторвано от наименования гениохийского племени санигов.

Приятие Аникетом — человеком, испытавшим тяжести и унижения рабского состояния, этого эпитета Митры или Геракла в качестве имени убеждает в том, что им и его соратниками (быть может, также и соплеменниками, ибо он как вольноотпущенник Полемопа мог происходить из среды местного населения) владели те же угонические идеи «золотого века», что и Аристоником, вождем малоазийского восстания рабов против Рима во II в. до н. э., и Савмаком — вождем скифского восстания на Боспоре (судя по изображению Савмака на его монетах в диадеме из солнечных лучей) ¹.

О том, что связь всех этих имен и идей отнюдь не является плодом нашего домысла,

¹ См. об этом подробнее ВДИ, 1946, № 4, стр. 54 сл.

свидетельствует еще и в прошлом столетии жившая в области Трапезунта слава о боге-герое Акрите — Аникете¹. В честь его исполнялись народные песни, указывались им построенные крепости. Близ Трапезунта около Телекли-тази известна была и его могила (т. е. культовое место), куда по обычаю носили новорожденных детей для защиты их от злых чар.

Предания об Акрите — Аникете стали в византийскую эпоху предметом эпоса, зафиксированного еще до взятия Трапезунта турками и опубликованного в 1870 г. ученым греком Саввой Иоаннидом². Через этот византийский эпос, а может быть, даже более глубокими и древними путями, представления об этом боге-герое, воодушевлявшем в I в. н. э. кавказских горцев на борьбу с Римом, проникли и в русский фольклор и живы в нем в сказаниях об Анике-воине, знаменитом разбойнике, борце за справедливость и борце со смертью³.

III. Римляне у Каспийских ворот

Недавно в нашей печати была опубликована наскальная надпись из района горы Беюк-даш⁴.

Находка этой надписи знаменательна во многих отношениях. Прежде всего она заполняет до некоторой степени лауну в источниках, характеризующих действия римской провинциальной военной администрации на Кавказе во времена Домициана. Из сопоставления свидетельств Тацита и Иосифа Флавия следует заключить, что Нерон, как и его предшественники, в своих планах против Парфии всячески стремился укрепить позиции Рима на Кавказе. В осуществление этой политики Понтийское царство было обращено в провинцию, а колхи, гениохи и другие прибрежные племена поставлены в зависимое положение от Рима (I o. s., VI, II, 16, 47).

Известно далее, что в правление Нерона для поддержки римского ставленника на армянском престоле — Митридата (T a s. . App., XII, 44) в крепости Горнее (Гарни) был помещен римский гарнизон. Подобная же связь Рима с Иберией иллюстрируется известной надписью из Мцхета, датируемой 75 г. н. э. (время Веспасиана) и сообщающей о постройке римскими военными силами оборонительных стен для иберийского царя Митридата, сына Фарасмана, в Гармозике⁵. Эти и другие им подобные мероприятия были направлены на удержание Армении в большей или меньшей зависимости от Рима. Римлянам было важно иметь свободный доступ в Армению для захода в тыл или, по крайней мере, во фланг парфянских военных сил, и во всей цепи римских мероприятий чувствуется стремление к тому, чтобы держать свободной «Каспийскую дорогу» — путь из Колхиды к южному берегу Каспийского моря, которым прошел Помпей и который имел существенное торговое значение для римлян в I в. н. э. (ср. P l i n., NH, VI, 15). В этих именно видах, при дружественных отношениях с парфянами, во времена Веспасиана в Каппадокии был помещен легион XII Fulminata, а позднее, при Траяне, к нему присоединен легион XV Apollinaris; подразделения этих легионов и их вспомогательные отряды не раз затем фигурируют в кавказской эпиграфике.

К XII легиону принадлежал, как видим, и тот его отряд, который под командованием центуриона Луция Юлия Максима совершил экспедицию к границе Дагестана, к той части берега Каспийского моря, которая в новое время называлась Дербентским

¹ Защитнике, заградителе, сравните также эпитет Зевса ἀκραῖος — горный.

² Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζούντος καὶ τῆς περὶ ταύτην χώρας ὡς καὶ τὰ περὶ τῆς ἐνταῦθα ἑλληνικῆς γλώσσης, ὑπὸ Σαβ. Ἰωάννιδου, Κωνστ., 1870, стр. 35 сл.

³ См. об этом у И. Ж д а п о в а, К литературной истории русской былевой поэзии, Киев, 1881, стр. 62 сл.

⁴ См. «Доклады Аз. ФАН», 1948, вып. 7, стр. 304 и 312 сл. и ИАМ Аз. ССР, 1949, № 1, стр. 79 сл. Текст надписи см. выше, стр. 177, сл., статью Э. Я. Ямпольского.

⁵ П о м я л о в с к и й, Сб. греч. и лат. надп. Кавказа, 1881. № 129

проходом, а в древности — Каспийскими воротами (это наименование, как известно, прилагалось в древности также к проходу из Мидии в Парфию, а также к проходу из Грузии на Северный Кавказ). Цель экспедиции была, вероятнее всего, карательная: против албанов или проникших через Каспийские ворота к границам Армении алано-сарматских племен. Руководитель этой экспедиции, запечатлевший имя своего легиона и свое собственное у берегов Каспия, ближе неизвестен, но его, с достаточной степенью вероятности, можно поместить между двумя носителями того же самого имени, происходящими из Немауза (Нима) в Галлии, из которых первый был отмечен почетными должностями в своем родном городе при императоре Августе (CIL, XII, 3180), а второй участвовал, в качестве военного трибуна легиона V Macedonica, в дакийской войне, а позднее был легатом легионов IV Flavia и I Adiutrix (CIL, XII, 3167). Так как в надписи не названо имя императора, при котором происходила упомянутая в ней дакийская война, сама же надпись по характеру прифига датируется II в. н. э., то речь может идти о дакийских экспедициях Домициана или Траяна.

После того как при Траяне Армения была обращена на некоторое время в римскую провинцию, мы позже, при императоре Марке Аврелии, встречаем снова отряд (вексилляцию) XII легиона вместе с вексилляцией XV легиона занятыми постройкой укрепления, находившегося на месте современного Эчмиадзина, где помещался римский гарнизон, поддерживавший римского ставленника на армянском престоле — Согема (см. ИАК, вып. 33 (1909), стр. 1 сл.). Возможно, что уже и при Домициане, скорей всего где-либо вне пределов Армении (может быть, в Абсаре или Фасисе или в иберийской Гармозике), находился римский гарнизон из состава XII легиона, отряд которого под командой центуриона этого легиона Л. Юлия Максима и совершил ту экспедицию к Каспийским воротам, о которой свидетельствует новооткрытая надпись.

IV. О наименовании Черного моря в древности

Происхождение наименования Черного моря давно уже интересует науку. Вопрос этот привлекает к себе внимание прежде всего с точки зрения выяснения причины приложения такого наименования к морю, цвет воды которого вряд ли является более темным, чем в других морях средиземноморского или иных бассейнов (впрочем, уже не раз было высказано мнение, что черноморская вода имеет в некоторых случаях темносиний или даже черноватый оттенок)¹. Наименование это во всяком случае прочно держится во всех новых языках народов, его окружающих. «Черным» называют его турки (Kara deniz) и современные греки (Μαύρη Θάλασσα). С другой стороны, вопрос о наименовании Черного моря представляет особый интерес ввиду того, что в древности малоазийские греки, колонизовавшие берега этого моря, называли его «Евксинским понтом» (Πόντος Εὐξείνιος), что значит «Гостеприимное море». Греческие географы отмечали, что это название дали ему милетские мореплаватели, а что-де до этого греки называли Евксинский понт Πόντος Ἰξείνιος, что означает «Негостеприимное море». Сообщающий эти сведения Страбон (VII, 3. 6) отмечает при этом, что «Негостеприимным» Черное море было названо из-за бурь и дикости населявших его берега племен, в особенности скифских, припосивших чужеземцев в жертву, и т. п.

Из этого текста Страбона становится ясно, что ионийские греки переименовали Черное море из «Негостеприимного» в «Гостеприимное» «эвфемистически», т. е. из суверенных чувств и для благополучного предзнаменования. Ясны как будто бы и мотивы, по которым греки, до начала ионийской колонизации черноморских берегов, называли их «негостеприимными».

Почему же все-таки море позднее стало именоваться «Черным»? Тем более, что наименование это применительно именно к Евксинскому понту не было вовсе чуждо древности. Мы находим его, например, у Еврипида в «Ифигении в Тавриде», где μέλας

¹ В. Л а г у ш е в, Исследования об истории и государственном устройстве древней Ольвии, 1887, стр. 1 сл.

πόντος (стр. 107) употребляется как раз в интересующем нас смысле, а у Гомера встречаются выражения μέλαν ὕδωρ, μέλαν χθῆξ, опять-таки представляющие реальные примеры возможности приложения подобного наименования к определенному морскому бассейну.

А. Ф. Воеводский, высказавший на VI археологическом съезде свои соображения по поводу происхождения названия «Черное море»¹, пытался истолковать это наименование с мифологической точки зрения. Стараясь угадать в различных мифологических объектах и их именах астральный смысл, Воеводский полагал, что под киммерийцами древние греки понимали звезды, а их обиталище — в данном случае берега Черного моря — надо себе представлять поэтому как ночное небо. Из подобной символики Воеводский, опираясь также на мифологию древних славян, в частности на соответствующую символику русских народных сказок, выводит причину наименования Евксинского понта Черным морем.

Наивность подобных объяснений была почувствована давно, так же как давно было обращено внимание и на то, что многие древнегреческие географические имена, прилагавшиеся к варварским объектам, представляют собой не более как адаптацию и этимологизацию местных наименований.

И так же достаточно давно уже было отмечено фонетическое сходство древнегреческого Ἰσχυρὸς с библейским אִשְׂכַּנַּז — имя, которым на древнееврейском языке обозначали скифов. Предположение о том, что אִשְׂכַּנַּז лежит в основе древнейшего наименования Черного моря, перетолкованного греками на Ἰσχυρὸς, получило уже в середине прошлого века поддержку со стороны многих ученых. У нас его развил и подкрепил новыми доводами В. Ф. Смолин², указавший на то, что ассириологические исследования, имевшие место в начале этого столетия, подкрепляют предположение о происхождении Ἰσχυρὸς от אִשְׂכַּנַּז, устанавливая тождество последнего с ассирийским iškuza, убедительно истолкованным Винклером как ассирийская форма имени скифов³. Получалось, таким образом, что Черное море именовалось в древности первоначально «Скифским морем» и лишь греками, в порядке этимологизации, было переименовано в «Негостепримное». Следует вспомнить, что אִשְׂכַּנַּז толковалось ранее так же, как Ἀσχυρὸς — «фригийский», и Черное море по этому толкованию должно было называться первоначально «Фригийским морем»⁴ — по имени народа, который на берегу этого моря даже и не жил. Понятно поэтому, что истолкование аִשְׂכַּנַּז как iškuza «скифский» значительно прибавляло убедительности предположению о происхождении наименования Πόντος Ἰσχυρὸς от этого древнееврейского слова, тем более, что понятие «Скифского моря» вообще грекам не было чуждо и засвидетельствовано в литературе (Σχυρὸς, πόντος, Theocrit., XVI, 99; ср. Seneca, Med., 212). Можно было бы также думать, что существование слова аִשְׂכַּנַּז в арамейском языке позволяет предполагать его происхождение из финикийского, а не из древнееврейского словоупотребления, что увеличило бы шансы на возможность его применения в качестве прилагательного к имени моря, финикийцам, вероятно, безызвестного. Однако, во-первых, употребление этого слова в качестве такого прилагательного все же нигде прямо не засвидетельствовано, не засвидетельствовано оно и в отношении iškuza, поэтому предположение о происхождении названия Πόντος Ἰσχυρὸς от аִשְׂכַּנַּז или от iškuza не имеет за собой никаких определенных доказательств, за исключением фонетического сходства. К тому же наименование Черного моря «скифским» в греческой литературе далеко не столь уже употребительно (мы затруднились бы указать какие-нибудь примеры, кроме вышеприведенного), чтобы на этом можно было настаивать в смысле установления за ним древней и прочной традиции, если не в литературе, то хотя бы в устном предании.

¹ «Труды VI археол. съезда в Одессе», II, 1888, стр. 124 сл.

² «К вопросу о названии Черного моря в древности», ИТУАК, 53 (1916), стр. 90 сл.

³ «Altorientalische Forschungen», I (1897), стр. 486 сл.

⁴ K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande, 1896, стр. 347.

Сравнительно лишь недавно было обращено внимание и на тот факт, что греческое ἄξενος звучит весьма близко к древнеперсидскому ахшаёна, что означает «темный»¹, засвидетельствованному в словаре Авесты.

Это весьма заманчивое сопоставление, утверждающее, с одной стороны, за традицией наименования Евксинского моря «Черным» приоритет и давность, весьма остроумно объясняющее, с другой стороны, происхождение греческого Πόντος ἸΑξένος в порядке этимологизации древнеиранского ахшаёна, встретило было также веские возражения². Они сводились, как и в случае с ἄξενος — aškenaz — iškuza к тому, что ахшаёна не засвидетельствовано как прилагательное, характеризующее цвет воды, ни тем более как наименование моря, и что в языке Авесты вряд ли могло существовать свое оригинальное наименование Черного моря, находившегося за пределами круга ее географических представлений.

При всей справедливости этих возражений в пользу возможности сопоставления ахшаёна — ἄξενος и установления античной традиции для наименования Евксинского понта «Черным» говорит, однако, то обстоятельство, что слова, близкие фонетически и этимологически к ахшаёна, имеются и в других иранских и родственных им диалектах, а не только в языке Авесты, как, например, в новоперсидском — хаšin (темносерый) и в осетинском — äxsin (темносерый)³.

В особенности же плодотворной для поддержания правомочности этого сопоставления оказывается конъектура, предложенная А. А. Фрейманом к пассажиру гл. XIII иранской «Космологии» (Bundahišn) среднеперсидского текста, содержащего наименование трех морей, из которых одно должно соответствовать Черному морю, и читается, с поправкой Фреймана к написанию этого слова, как хаšep.

Три главных моря, названные в тексте, толкуются как Персидский залив (Индийский океан), Каспийское море («Малоречное», Kamröd) и, наконец, третье названное выше море локализуется «в Руме», т. е. в пределах Византийских владений, что и позволяет без колебаний отождествить его с Черным морем.

Значение этого факта, зафиксированного текстом, восходящим отдельными элементами своего содержания к эпохе Авесты, а в целом датирующегося сасанидским временем, заключается в том, что им, с одной стороны, подтверждается возможность возникновения греческого наименования Πόντος ἸΑξένος как перетолкования и осмысления древнеперсидского ахшаёна или какого-либо близкого ему слова из родственных древнеиранскому языков Кавказа, которым обозначалось Черное море; с другой стороны, факт этот устанавливает существование непрерывной литературной традиции, свидетельствующей о наименовании Евксинского понта «Черным (темным) морем» у иранских и кавказских народов. Что это наименование не было неизвестно грекам, о том свидетельствует приведенный выше эпитет μέλας у Еврипида, приложенный им именно к Черному морю.

Что же касается «негостеприимности» Черного моря в древнейшую эпоху греческой истории, то, несмотря на наличие на берегах его диких племен, известных своим пиратством и в значительно более позднее время (крымские тавры и «ахейские» племена Кавказского побережья — ахеи, гениохи, зиги и др.), — соответствующие предания, пашедшие свое отражение в мифе об Ифигении и, может быть, еще раньше, в мифе о Лестригонах, должны быть всецело отнесены к области легенды. В распоряжении современной археологии имеется достаточно фактов, неопровержимо свидетельствующих о «гостеприимстве» причерноморских жителей по отношению к пришельцам с эгейских берегов и из переднеазиатских стран. Об этом говорят многочисленные находки предметов ввоза в Северное Причерноморье преимущественно бронзовых изделий, указывающие

¹ На возможность происхождения ἄξενος в наименовании Черного моря от ахшаёна указал М. V a s m e r, Die Iranier in Südrussland, 1923, стр. 20, а также В o i s a c q, Revue Belge de Philol., III, (1924), стр. 315 сл.

² А. С. М o o r h o u s e, Cl. Quart., XXXIV (1940), стр. 123.

³ См. А. Ф р e й м а н, Название Черного моря в домусульманской Персии, ЗКВ, V, (1930), стр. 650.

на существование культурных связей у причерноморских жителей с восточными и южными странами, начиная с III тысячелетия до н. э.¹ Греческая колонизация черноморских берегов была лишь одним из средних звеньев, а отнюдь не началом истории сношений и связей Причерноморья с другими странами.

По поводу же не лишнего оснований предположения о наименовании Черного моря в определенной связи и в определенное время «Скифским морем» приходится констатировать, несмотря на наличие древних подтверждений этого наименования (см. выше), отсутствие прочной и долговременной традиции, которая бы свидетельствовала в пользу его живучести и распространенности. То же самое может быть сказано и о других названиях, прилагавшихся к Черному морю в более позднее время, на протяжении истории живущих вокруг него народов.

Л. А. Ельницкий

О ПЯТИКОЛОННОМ ХРАМЕ, ИЗОБРАЖЕННОМ НА БОСПОРСКИХ МОНЕТАХ II В.

В настоящей статье подлежат рассмотрению те медные боспорские монеты, которые у Бурачкова изданы на табл. XXIX за №№ 177, 201, 202² и имеют сходные изображения фасада античного храма с надписью КА—ПЕ на аверсах и разные монограммы на реверсах. Монеты этих серий (рис. 1—3) обычно принято относить к правлению Котиса II (123—132 гг.), к правлению Евпатора II (154—170 гг.) и к правлению неизвестного боспорского царя, стоявшего у власти в течение короткого времени после Евпатора II до воцарения Савромата II (174—210 гг.). Повидимому, монеты данных выпусков имели широкое и, возможно, длительное обращение, так как преобладающая часть всех известных экземпляров отличается исключительной потертойостью.

Главнейшей моей задачей является правильное истолкование изображения храма и содержания находящейся при нем надписи. До сих пор этот вопрос не вызвал сомнений и не породил никаких ученых дискуссий. Высказанный около 200 лет назад взгляд прочно удержался в науке вплоть до наших дней. Сущность его сводится к тому, что указанный храм на боспорских монетах все нумизматы называют храмом Юпитера Капитолийского, сооруженным боспорскими царями в одном из боспорских городов в знак своего почтения к Риму³.

Разделяя установившийся взгляд, что надпись КА—ПЕ означает, повидимому, сокращенную форму слова КАΠΕΤΟΛΙΟΝ, я все-таки не могу согласиться с якобы вытекающим отсюда выводом, что монетное изображение храма воспроизводит облик некогда сооруженного на Боспоре храма Юпитера Капитолийского. Такое мнение сложилось у меня на основании следующих рассуждений.

1. Никакими древними литературными и эпиграфическими свидетельствами факт сооружения на Боспоре храма Юпитера Капитолийского пока не подтверждается, и монеты остаются единственным источником таких предположений.

2. Внешний облик боспорского храма, о котором мы судим только по несовершенным изображениям на монетах, абсолютно не сходен ни с одним известным изображе-

¹ См. А. И е с с е н, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 14 сл.

² П. О. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, Одесса, 1884, стр. 262, № 189 и стр. 266, №№ 213, 214.

³ Сагу, Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimm., éclaircie par les médailles, Paris, 1752; Кёне, Музей кн. Кочубея, Спб., 1857, II, стр. 260—261; А. В. Орешников, Каталог собр. древностей гр. А. С. Уварова, М., 1887, вып. VII, стр. 97—98, прим. к № 622; Нead, Historia numorum, Oxf., 1911, стр. 505; Мi n n s, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, VIII, 5.